

ИНСТИТУТ ИНОЗЕМЦЕВА (1966–1971 гг.)

© 2003 г. П. Черкасов

НАЧАЛО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

С приходом Н.Н. Иноземцева на пост директора ИМЭМО одним из главных направлений деятельности Института становится подготовка прогнозов развития экономики и политики ведущих зарубежных стран, а также международных отношений. В начале 1967 г. в Институте были сформированы 24 специализированные группы в составе 175 научных сотрудников¹ для подготовки среднесрочных (до 1975–1980 гг.) прогнозов развития экономики и научно-технических исследований в ведущих странах Запада, а также перспектив развития международных отношений.

Дело это было новое и, как вскоре выяснится, небезопасное для его зачинателя, Иноземцева. Наибольшие трудности возникли при прогнозировании перспектив развития международных отношений. В отличие от экономического прогнозирования, где еще со времен ИМХМП имелись определенные наработки, основанные на объективных тенденциях экономического роста, составлением международно-политических прогнозов никто в СССР ранее не занимался. Поэтому прежде всего пришлось немало потрудиться над методикой таких исследований. Эта работа была поручена ведущим аналитикам Отдела международных отношений В.И. Гантману и Д.Е. Меламиду.

В короткий срок они подготовили методическую разработку, которая после рабочего обсуждения и легла в основу дальнейших исследований в области прогнозирования международных отношений.

Одновременно велась работа по составлению аналогичных методик, которые легли в основу изучения перспектив социально-политического развития стран Западной Европы (Г.Г. Дилигенский и Л.В. Степанов), советско-американских отношений и отношений двух систем (О.Н. Быков и В.В. Размеров), внешней политики США (Ю.М. Мельников), тенденций в развитии военно-

политической ситуации в мире (В.М. Кулиш), внешней политики стран Третьего мира (А.А. Лаврищев) и др.

Уже в середине 1967 г. на Дирекции ИМЭМО был обсужден и в целом одобрен первый вариант “Докладной записки о перспективах развития международных отношений и социально-политических тенденций в развитых капиталистических и развивающихся странах”. Среди ее авторов – Н.Н. Иноземцев, Д.Е. Меламид, Д.Г. Томашевский, В.Л. Тягуненко, Г.И. Мирский, А.А. Галкин, В.М. Кулиш.

Интенсивная работа развернулась в Институте по составлению экономических прогнозов. В середине 1967 г. на Ученом совете был заслушан и обсужден “Проблемный доклад о прогнозе экономического развития главных капиталистических стран до 1975–1980 гг.”, подготовленный авторским коллективом в составе: Н.Н. Иноземцев, С.М. Меньшиков, В.И. Стригачев, А.И. Шапиро, В.А. Мартынов. В этом 200-страничном документе излагались предварительные соображения об основных тенденциях и факторах экономического развития и прогнозные оценки роста западной экономики на предстоящие 10–15 лет. Проведенный анализ основывался на учете новейших достижений и перспектив научно-технической революции (НТР) в ведущих странах Запада и выявленной тенденции к повышению роли государственного воздействия на экономику этих стран. В докладе были рассмотрены изменения нормы накопления, темпы роста валового национального продукта и промышленной продукции, факторы экономического развития, выявившиеся к 1967 г. Суммируя эти показатели и опираясь на анализ перспективных путей развития НТР, авторы доклада определили тенденции экономического роста западной экономики преимущественно до 1975 г.

Этот доклад, после его доработки, станет вводной главой к обобщающей работе, анализирующей ряд общих мирохозяйственных проблем, оценивающей динамику макроэкономических и важнейших отраслевых показателей ведущих стран Запада, а также перспективы экономического роста развивающихся стран.

Другой авторский коллектив (А.Г. Милейковский, В.И. Стригачев, Б.И. Комзин) подготовил

Продолжение. Начало см. в № 4–7, 11, 12 за 2002 г., № 1, 2 за 2003 г.

¹ Число этих групп и привлеченных к прогнозированию научных сотрудников менялось в зависимости от встававших перед Институтом новых задач, вытекавших из политических и экономических изменений в мире. К участию в прогнозировании привлекались ведущие сотрудники ИМЭМО.

“Проблемный доклад о прогнозе развития научных исследований в главных капиталистических странах”, в котором на 140 страницах были рассмотрены основные тенденции, характеризовавшие возрастающее значение науки в современной научно-технической революции, а также наиболее важные сдвиги, происходившие в экономической сфере самой науки. Наряду с рассмотрением основных тенденций научно-технического прогресса, в докладе содержались обобщенные данные зарубежных прогнозов в конкретных областях науки и техники. Выявление и анализ этих важных тенденций, по мнению авторов доклада, призваны были облегчить поиски оптимальных путей и средств ускорения экономического развития СССР.

На базе, созданной в 1967 г. в ИМЭМО, в лаборатории международных экономических сопоставлений развернулась работа над докладом “О прогнозе уровня и структуры национального дохода и общественного продукта, темпов и основных пропорций развития хозяйства развитых капиталистических стран” (авторы – А.И. Шапиро, В.М. Кудров, Б.И. Комзин).

Авторский коллектив под руководством В.Л. Тягуненко, В.М. Коллонтая и Л.В. Степанова, со своей стороны, подготовил докладную записку “О прогнозе изменения социально-политической структуры развивающихся стран”. В записке делался вывод о том, что в предстоящее десятилетие не следует ожидать заметного увеличения темпов экономического развития этих стран, роста национального продукта и в особенности развития сельскохозяйственного производства. В то же время прогнозировалось нарастание политической и социальной неустойчивости в развивающихся странах, быстрый рост населения, обострение продовольственной проблемы, все большие трудности на пути расширения промышленного производства, наконец, обострение проблемы внутренних и внешних источников финансирования. Все это, по мнению составителей доклада, будет существенно сдерживать экономический прогресс и порождать политические кризисы в развивающихся странах².

В 1967 г. была завершена работа над докладной запиской “О перспективах изменения социальной структуры и новых условиях классовой борьбы в промышленно развитых странах” (руководитель – А.А. Галкин). В записке анализировались новейшие сдвиги в социальной структуре развитых стран Запада, вызванные влиянием НТР и других важных факторов, а также воздействие этих сдвигов на тактику коммунистического и рабочего движения.

² См.: “Отчет о работе Института мировой экономики и международных отношений АН СССР за 1967 г.” // Архив ИМЭМО РАН.

Интенсивные исследования в области прогнозирования, начатые в 1967 г. по инициативе Н.Н. Иноземцева, позволили уже в апреле 1968 г. представить в директивные органы 400-страничный “Прогноз развития капиталистической экономики на 1970–1975–1980 годы”, в котором помимо прогноза динамики народнохозяйственных, структурных и отраслевых показателей США, ведущих стран Западной Европы и Японии, были подвергнуты анализу важнейшие мирохозяйственные проблемы: мировое население и демографическая ситуация, сырьевые, энергетические и продовольственные ресурсы, мирохозяйственные связи, международная валютная система, экономические проблемы развивающихся стран и др.

В 1968 г. была завершена работа над прогнозом о “Перспективах развития международных отношений и социально-политических тенденций в развитых капиталистических и развивающихся странах”. На основе изучения долговременных и привходящих факторов, влияющих на развитие международных отношений, в прогнозе была предпринята попытка выявить, на перспективу до 15 лет, важнейшие изменения в расстановке политических сил на международной арене в глобальном и региональном масштабах, а также проанализировать внешнюю политику ведущих западных держав и развивающихся стран. В нем, в частности, впервые был поставлен вопрос о так называемых “разделенных народах” – КНДР и Республика Корея, ДРВ и Республика Вьетнам, КНР, Тайвань и Гонконг, Народная Демократическая Республика Йемен и Йеменская Арабская Республика. Аналитики ИМЭМО считали разделение, возникшее в результате Второй мировой войны или в ходе холодной войны, противестественным, и полагали, что в перспективе оно неизбежно будет преодолено, хотя в прогнозе не утверждалось, что воссоединение этих “разделенных народов” произойдет до 1980 г.³

По понятным причинам, проблема объединения Германии рассматривалась прогнозистами ИМЭМО иначе, нежели судьба “разделенных” народов Азии, тем более что в 60-е годы в советской и восточногерманской пропаганде стал насаждаться постулат о некой “особой” национальной общности восточных немцев, которые в ходе социалистических преобразований якобы становятся народом, отличным от немцев, проживаю-

³ Прогноз ИМЭМО полностью оправдался в отношении двух вьетнамских государств, воссоединившихся в июле 1976 г., после поражения США в войне против ДРВ. В 1990 г., как известно, произошло объединение Северного и Южного Йемена в единую Йеменскую республику. В 1997 г., с переходом британской колонии Гонконг под суверенитет КНР, начался процесс восстановления территориальной целостности Китая. На рубеже XX и XXI столетий наметилась тенденция к диалогу между Северной и Южной Кореей.

щих в ФРГ. Речь шла о возникновении какого-то немецкого аналога “*homo soveticus*”. В аналитических разработках ИМЭМО перспективы решения германской проблемы рассматривались исключительно в контексте “борьбы двух систем”, а также создания системы европейской безопасности. Но и в этом вопросе специалисты ИМЭМО выступали с передовых, по тем временам, позиций, о чем еще будет сказано.

В прогнозе, составленном в 1968 г., впервые был поставлен вопрос о судьбе Югославии после ожидавшегося в недалеком будущем ухода из жизни 76-летнего Иосипа Броз Тито. Составители прогноза выражали сомнения относительно возможности продолжения преемниками Тито его политики, и даже самой возможности сохранения СФРЮ как единого государства⁴.

Первый опыт в проведении прогностических исследований в 1967–1968 гг. получил развитие в последующих разработках ИМЭМО, занявших ведущее место в работе Института. Были учтены ошибки и недочеты первых прогнозов. В дальнейшем более тесно стали увязываться мирохозяйственные, страновые и отраслевые показатели на основе моделирования прогнозируемых процессов, расширился круг прогнозируемых процессов, началась разработка вариантов, учитывающих возможность возникновения различных экономических, политических и военно-политических ситуаций и переломов в развитии международных отношений.

До тех пор, пока ИМЭМО не занялся прогнозированием мирового экономического и политического развития, единственным советским официальным прогнозом была та часть Программы КПСС, принятой на XXII съезде, в которой говорилось о построении в Советском Союзе к 1980 г. основ коммунистического общества и, разумеется, об обреченности мирового капитализма. В связи с тем, что в прогнозы ИМЭМО не только не закладывался крах капитализма ни к 1980, ни даже к 1990 г., но, напротив, – прогнозировались довольно высокие темпы роста западной экономики, то у части номенклатурных читателей этих закрытых прогнозов возникли недоуменные вопросы к Н.Н. Иноземцеву и его Институту. В соответствии с давней советской традицией, эти вопросы иной раз принимали форму доносов в “инстанции” или в “компетентные органы”.

Один из таких доносов в 1971 г. поступил к члену Политбюро, секретарю ЦК КПСС М.А. Сулову. Некий генерал обращал внимание главного идеолога КПСС на явное несоответствие положений прогнозов ИМЭМО, чуть ли не увековечиваю-

щих существование “обреченного капитализма”, установкам Программы КПСС. Сулов распорядился создать комиссию ЦК для рассмотрения поступившего “сигнала”. Объясняться на ней выпало тогдашнему заместителю директора ИМЭМО Е.М. Примакову, который в доступной членам комиссии (и единственно возможной в то время) форме объяснил, что Институт вовсе не оспаривает положения утвержденной партийным съездом Программы КПСС, а всего лишь рассматривает различные варианты развития мирового капитализма. Советское политическое руководство, доказывал Примаков, должно быть готово к любому из возможных вариантов – даже к самому неблагоприятному с точки зрения интересов СССР.

В конечном счете Примакову удалось тогда отбиться от нападков “ревнителей идеологических устоев”. Прогностические исследования в ИМЭМО были продолжены, но и впоследствии они встречали оппонентов среди “непродвинутой” части партноменклатуры.

СТРАНОВЕДЕНИЕ

Придавая первостепенное значение выявлению новейших тенденций и перспектив развития мировой экономики и международных отношений, Н.Н. Иноземцев считал необходимым поднять уровень страноведческих исследований в Институте, имея в виду прежде всего более квалифицированное информирование директивных инстанций о процессах, происходивших в отдельных западных странах. К тому же в связи с интеграционным процессом, набравшим скорость в Западной Европе, следовало изучить механизмы взаимодействия между национальными экономиками западноевропейских государств и единой экономической стратегией ЕЭС, между национальными внешнеполитическими курсами и тенденцией к их согласованию в рамках Европейского сообщества. Все эти вопросы представляли не столько академический, сколько практический интерес для советской внешней политики, всегда следовавшей ленинскому завету – выявлять и использовать в своих целях межимпериалистические противоречия.

ИМЭМО в то время по существу был единственным в СССР исследовательским центром, занимавшимся изучением стран Запада⁵. В этом отношении у Института были определенные заделы, так как среди научных сотрудников насчитывалось немало первоклассных специалистов по тем или иным странам. Это позволило ИМЭМО, начиная с 1958 г., регулярно выпускать научно-справочное издание – “Международный ежегодник. Политика и экономика”, где, наряду с мате-

⁴ Составители прогноза, верно определившие подспудные центробежные тенденции в Югославии, оказались правы, хотя СФРЮ более чем на десять лет пережила Тито, умершего в 1980 г.

⁵ Институт США и Канады АН СССР был создан в 1968 г., а Институт Европы – лишь в 1987 г.

риалами по общим и специальным вопросам текущей международной жизни, помещались статьи по отдельным странам с анализом их экономического и внутривнутриполитического положения, а также их внешней политики.

Решив проверить собственные мысли относительно необходимости дать новый импульс страноведческим исследованиям, Иноземцев в 1967 г. поручил д.э.н. Я.А. Певзнеру подготовить развернутый доклад “О страновой проблематике в изучении современного монополистического капитализма”. Вскоре этот доклад был заслушан и обсужден на заседании Ученого совета ИМЭМО.

Я.А. Певзнер, опираясь на результаты проводимых в Институте исследований, представил развернутую картину экономического и политического положения ведущих стран Запада. Отметив разный уровень развития этих стран, определив их специфику, докладчик одновременно выявил некую общую тенденцию к “многообразной нивелировке стран монополистического капитализма”, требующую самого пристального изучения.

В заключение своего доклада Певзнер подчеркнул, что “без ущерба для проблемной тематики можно и нужно усилить тематику страновую”. “Без сочетания общетеоретической и страновой тематики, – продолжал он, – будет страдать и та и другая. Поэтому, какие бы ни создавались новые институты, наш долг состоит в том, чтобы не ослаблять, а укреплять в Институте изучение экономики и политики главных, а по возможности, и неглавных стран монополистического капитализма”⁶.

Певзнер предложил создать в Институте страновые исследовательские группы, которые подготовили бы серию книг: “Современная Англия”, “Современная Франция”, “Современная Япония” и т.д.

Доклад Певзнера, как и содержащиеся в нем предложения, окончательно утвердили Иноземцева в намерении развернуть в Институте страноведческие исследования. Энергично поддержав предложение Певзнера о подготовке серии страновых монографий, Иноземцев, выступая на Ученом совете, сказал: “Если бы мы могли с этим справиться, я думаю, что это было бы очень полезно”⁷.

Вскоре Дирекция ИМЭМО приняла решение о подготовке семитомной серии страновых монографий, посвященных современному положению США, Японии, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, а также так называемым малым странам Западной Европы (Бельгии, Нидерландам, Люксембургу и др.). Общее руководство всей этой работой было возложено на заместителя директора ИМЭМО д.э.н. В.Я. Аболтина (отв. редактор), а в

редакционную коллегию серии вошли – д.э.н. А.В. Аникин, д.э.н. Я.А. Певзнер, д.и.н. Д.В. Петров и д.э.н. Ю.И. Юданов.

К написанию этих семи книг были привлечены лучшие страновики ИМЭМО – Д.Е. Мелаид (Д. Мельников), В.Н. Шенаев, Е.С. Хесин, С.П. Перегудов, Ю.И. Рубинский, В.И. Кузнецов, Ю.М. Мельников, К.Г. Холодковский и др. Монографии готовились по сходной схеме, включавшей в себя детальную характеристику того или иного “странового” варианта государственно-монополистического капитализма, изучение внешнеэкономических связей, социальных проблем, особенностей политического строя той или иной страны, наконец, ее внешней политики.

Серия под общим названием – “Экономика и политика стран современного капитализма” выходила в свет в Издательстве “Мысль” в течение первой половины 70-х годов. На тот период времени это были лучшие исследования по экономике и политике стран Запада, получившие высокую оценку у заинтересованного читателя. Поэтому в самом начале 80-х годов страновая серия была переиздана в дополненном варианте, с привлечением ряда новых авторов из числа научной молодежи⁸.

Развертывание в Институте страновых исследований оказалось более чем своевременным, если учесть, что во второй половине 60-х годов в ряде стран Запада происходили (или созрели) серьезные изменения, не оставшиеся без внимания аналитиков ИМЭМО.

Прежде всего это касалось перемен в Федеративной Республике Германии, где после почти двух десятилетий безраздельного господства христианских демократов и их баварских союзников из ХСС к власти приобщились их давние противники – социал-демократы. В декабре 1966 г. было сформировано правительство так называемой “большой коалиции” – ХДС/ХСС – СДПГ. Под давлением набравших силу социал-демократов тогдашнее правительство К. Кизингера провозгласило “новую восточную политику”, предполагавшую нормализацию замороженных отношений с социалистическими странами. Таким образом, была поставлена под сомнение “доктрина Хальштейна” – одна из опор, на которой с 1949 г. зиждилась внешняя политика ФРГ⁹.

Создание в Бонне “большой коалиции” и провозглашение “новой восточной политики” с недоверием было встречено в СССР, где после оконча-

⁸ Переиздание этой серии было осуществлено под руководством академика Н.Н. Иноземцева, д.и.н. О.Н. Быкова и д.э.н. И.Д. Иванова. Прежний семитомник был дополнен томом “Австралия и Канада”.

⁹ Согласно этой доктрине, получившей в 1949 г. имя тогдашнего статс-секретаря МИД ФРГ профессора В. Хальштейна, Бонн претендовал на единоличное представительство германского народа и грозил разорвать дипломатические отношения с любым государством, которое де-юре признает ГДР.

⁶ Доклад Я.А. Певзнера “О страновой проблематике в изучении современного монополистического капитализма”. Стенограмма заседания Ученого совета (без даты). // Архив ИМЭМО РАН.

⁷ Там же.

ния Второй мировой войны пропаганда постоянно твердила об угрозе со стороны западногерманского реваншизма. На недоверии и даже ненависти к “наследникам Гитлера”, “боннским реваншистам” выросло целое поколение советских людей, не говоря уже о тех, кто пережил войну. В плену собственной пропаганды находилось и высшее партийно-государственное руководство СССР, явно не готовое адекватно оценить наметившиеся в Западной Германии перемены, связанные с возрастанием влияния социал-демократической партии во главе с Вилли Брандтом. В оценке самой социал-демократии в СССР все еще господствовали сталинско-коминтерновские установки 30-х годов, объявлявшие социал-демократов “предателями”, “злейшими врагами пролетариата” и “пособниками фашизма”. Одним словом, от правительства “большой коалиции”, пришедшего к власти в ФРГ, в СССР не ожидали ничего хорошего, и не склонны были доверять обнадеживающим посулам германских социал-демократов.

Впрочем, и в Москве находились отдельные здравомыслящие люди, способные к адекватному восприятию новаций в международной жизни.

Формирование коалиционного правительства в ФРГ в ноябре 1966 г. совпало с пребыванием там делегации советских экономистов, среди которых были четыре представителя ИМЭМО – д.э.н. Е.Л. Хмельницкая, к.э.н. М.М. Максимова, к.э.н. В.Н. Шенаев и к.э.н. В.Н. Котов. Это были лучшие в СССР специалисты по западногерманской экономике и политике. В ФРГ они находились в течение трех недель – с 14 ноября по 7 декабря 1966 г., получив возможность непосредственно наблюдать за происходившими там важными переменами, и не только наблюдать, но и обсуждать происходящее со своими германскими коллегами и другими компетентными собеседниками¹⁰.

Их наблюдения и выводы, сформулированные по возвращении в Москву в 25-страничном отчете, представленном в ЦК КПСС, разительно отличались от оценок, которые давались в советской печати. Германисты из ИМЭМО рекомендовали советскому руководству с большим доверием отнестись к переменам в ФРГ и к возможностям, вытекающим из провозглашенной Бонном “новой восточной политики”. Е.Л. Хмельницкая и ее коллеги усмотрели в наметившихся переменах большие возможности для советско-западногерманского экономического сотрудничества. “В разговорах с представителями деловых кругов, – говорилось в отчете о поездке, – неизменно подчеркивалось желание как можно шире развернуть экономические отношения ФРГ с Советским Союзом. Прямо го-

ворилось о необходимости отбросить как вредные прежние установки западногерманских властей в вопросах торговли с Советским Союзом”¹¹.

Разумеется, особый интерес у советских экспертов вызывали социал-демократы, с которыми они провели целый ряд встреч. По результатам этих встреч у них сформировалось мнение о желании СДПГ не только покончить с “доктриной Хальштейна”, то есть с международной изоляцией ГДР, но и пойти в перспективе на создание “экономического сообщества ГДР и ФРГ”. При этом социал-демократы давали понять своим советским собеседникам, что эта идея “импонирует многим представителям влиятельных кругов в экономике ГДР”¹². Помимо прочего, это могло означать, что немецкие социал-демократы ведут какие-то закулисные переговоры с восточногерманскими властями.

Важнейшей темой обсуждений в ходе поездки советских экономистов в ФРГ был неонацизм и представлявшая его Национал-демократическая партия (НДП), настойчиво стремившаяся преодолеть пятипроцентный барьер, для проникновения в бундестаг. Угроза неонацизма сознательно и непомерно раздувалась в советских СМИ, и уже по этой причине гости из Москвы были просто обязаны поставить данный вопрос перед своими западногерманскими собеседниками. На этот счет они получили успокаивающие разъяснения. В отчете о поездке, составленном для ЦК КПСС и Президиума АН СССР, по этому поводу говорилось: “Отрицалась возможность широкого распространения неонацизма, делались ссылки на то, что, дескать, экстремистские партии имеются во всех странах Запада, что среди западногерманской молодежи все же преобладают “левые” тенденции, что старые фашисты – это неисправимые элементы, принадлежащие к вымирающему поколению, что правильная политика новой правительственной коалиции приглушит неонацистскую активность и т.д.”¹³.

Столь же успокаивающими были и разъяснения относительно реваншистских настроений в ФРГ, где, по убеждению СДПГ, происходит поворот в сторону реализма. “Многие высказывались в том духе, – говорилось в отчете, – что пора встать на почву реальности, отбросить требование границ 1937 года, не бояться легализации Компартии, отказаться от односторонней ориентации на Соединенные Штаты, довести усиление связей с социалистическими странами до уровня дипломатического признания; при этом в определенной, весьма характерной последовательности: вначале установить дипломатические отношения с Румынией, затем с Венгрией, затем с Чехослова-

¹⁰ Делегация посетила 10 научных центров по изучению мировой и германской экономики и политики, встречалась с представителями деловых и политических кругов, в том числе и с социал-демократами.

¹¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ. – П.Ч.). Ф. 5. Оп. 59. Д. 41. Л. 50.

¹² Там же. Л. 52-53.

¹³ Там же. Л. 53.

кий и лишь в дальнейшей перспективе с Польшей¹⁴.

Эти, хотя и ограниченные впечатления об умонастроениях определенных западногерманских кругов все же довольно показательны и свидетельствуют о глубоких и серьезных сдвигах в политическом развитии ФРГ, – подчеркивалось в заключительной части отчета, отправленного на Старую площадь¹⁵.

Между тем, в ЦК КПСС и МИД СССР преобладали устоявшиеся настроения, свидетельством тому стали заявления Советского правительства от 28 января и 8 декабря 1967 г. с предостережениями по поводу активизации “неонацистских и милитаристских сил” в ФРГ. В декабрьском заявлении была дана и оценка “новой восточной политики” ФРГ. «Официальные деятели ФРГ утверждают, – говорилось в заявлении, – будто с некоторых пор в стране проводится “новый курс”, провозглашена “новая восточная политика”, которая чуть ли не дает рецепт от всех нынешних болезней Западной Германии. В действительности же речь идет о попытках облечь в новую оболочку прежний отказ признать реальное положение в Европе, о попытках подновить старую политику милитаризма и реванша, а в некоторых областях пойти дальше ее основателей»¹⁶.

“Пражская весна”, насильственно прерванная советской военной интервенцией в августе 1968 г., привела к резкому охлаждению отношений между СССР и ФРГ. Правда, период “похолодания” продолжался не долго – до декабря 1969 г., когда новое коалиционное правительство ФРГ во главе с лидером СДПГ В. Брандтом¹⁷ приняло решение начать переговоры с СССР о нормализации отношений между двумя странами. Как известно, эти переговоры завершились подписанием в Москве

¹⁴ Эта информация вскоре начнет подтверждаться. В начале 1967 г. ФРГ установит дипломатические отношения с Румынией, а в январе 1968 г. восстановит официальные отношения с Югославией, разорванные в 1957 г., когда Тито признал ГДР. Впоследствии будут установлены дипломатические отношения между ФРГ и другими восточноевропейскими странами – Венгрией, Чехословакией и Польшей, а в декабре 1972 г. – с ГДР.

¹⁵ РГАНИ. Ф.5. Оп.59. Д.41. Л.53. Судя по всему, отчет советской экономической делегации о поездке в ФРГ не вышел за пределы адресата – то есть Отдела науки ЦК КПСС; с ним не были ознакомлены ни секретари ЦК, ни ответственные работники Международного отдела.

¹⁶ Правда. 09.12.1967.

¹⁷ На выборах в бундестаг в сентябре 1969 г. христианские демократы потерпели поражение. Победа досталась так называемой “малой коалиции” в составе СДПГ и Свободной демократической партии (СвДП). Лидер социал-демократов Вилли Брандт стал новым канцлером, а руководитель свободных демократов Вальтер Шеель занял посты вице-канцлера и министра иностранных дел ФРГ. Еще раньше, в марте того же года, на выборах президента ФРГ впервые за 20 лет главой западногерманского государства, при поддержке СвДП, был избран социал-демократ Густав Хейнеман.

12 августа 1970 г. договора между СССР и ФРГ. В нем говорилось о необходимости уважения территориальной целостности европейских государств, нерушимости всех европейских границ, включая границу по Одеру – Нейсе и границу между двумя германскими государствами. Обе стороны обязались “содействовать нормализации обстановки в Европе и развитию мирных отношений между всеми европейскими государствами, исходя при этом из существующего в этом районе действительного положения”¹⁸.

Незаметную, но важную роль в подготовке Московского договора и в целом в поисках взаимопонимания между СССР и ФРГ сыграл один из ведущих сотрудников ИМЭМО, доктор исторических наук, профессор Д.Е. Меламид, стоявший у истоков современной германистики и европейских исследований в СССР. Уже поэтому он заслуживает отдельного разговора.

Даниил Ефимович Меламид (литературный псевдоним – Мельников) родился в 1916 г. в с. Полонное Волынской губернии. С 1921 по 1931 г. жил с родителями в Германии, где его отец служил в советском торговом представительстве. Несколько лет он учился в привилегированной берлинской гимназии вместе с детьми представителей прусской элиты, а среднюю школу окончил уже в Москве. С 1934 до 1940 г. Меламид – студент исторического факультета МГУ, где специализируется по истории средневековой Германии у профессора В.В. Стоклицкой-Терешкович.

По окончании учебы Меламид был оставлен в аспирантуре МГУ по кафедре новой и новейшей истории и одновременно начал работать в качестве внештатного сотрудника в ТАСС, куда перешел в том же, 1940 г. на должность старшего референта. Его аналитическая записка о таинственном бегстве в Англию в 1941 г. нациста № 2 Рудольфа Гесса привлекла внимание Сталина, по распоряжению которого 25-летний Меламид был назначен руководителем редакции контрпропаганды ТАСС. На этом важном посту он оставался до сентября 1945 г. Именно в годы войны началась активная антифашистская публицистическая деятельность Меламида, избравшего литературный псевдоним Д. Мельников.

Редакция контрпропаганды ТАСС, возглавлявшаяся Д.Е. Меламидом, сыграла важную роль в дезинформации высшего гитлеровского руководства и командования вермахта относительно планов советской стороны в целом ряде стратегических операций, в частности, под Сталинградом. Меламид и его сотрудники вели активную пропагандистскую работу по деморализации окруженной под Сталинградом 6-й немецкой армии. Сотни, если не тысячи, обреченных на верную гибель сол-

¹⁸ Правда. 13.08.1970.

дат фон Паулюса переходили линию фронта с листовками, написанными Д.Е. Меламидом. Кстати, Меламиду довелось лично допрашивать Паулюса и других попавших в плен немецких генералов и офицеров. Его деятельность в военные годы была отмечена двумя медалями.

С окончанием войны началась научная работа Д.Е. Меламиды. Будучи ответственным секретарем журнала “Мировое хозяйство и мировая политика”, он одновременно вел исследовательскую работу в ИМХМП, где в 1947 г. успел до разгрома Института Варги защитить кандидатскую диссертацию на тему: “Внутриполитические отношения в Германии в 1941–1945 гг.”.

С декабря 1947 г. до апреля 1954 г. Д.Е. Меламид – политический обозреватель Совинформбюро, а с апреля 1954 г. до апреля 1957 г. – зав. редакцией и член редколлегии журнала “Международная жизнь”, который негласно возглавлял А.А. Громыко.

С сентября 1957 г., по совместительству, Д.Е. Меламид работал старшим научным сотрудником ИМЭМО АН СССР, куда окончательно перешел в апреле 1959 г. В течение 21 года он возглавлял в Институте сектор международно-политических проблем Европы, где сумел собрать первоклассных страновиков и европейцев-международников (Д. Маклейн, Ю.И. Рубинский, В.И. Дашичев и др.). Под его научным руководством и при непосредственном участии вышел ряд обстоятельных и новаторских по тем временам коллективных исследований¹⁹. Значителен вклад Д.Е. Меламиды в подготовку трехтомного труда “Международные отношения после Второй мировой войны” (М., 1962–1965).

Интенсивные исследования в области современных международных отношений Д.Е. Меламид успешно сочетал с увлеченностью проблемами германской истории 1933–1945 гг. В 1963 г. он защитил докторскую диссертацию на тему: “Политический кризис фашистского режима и заговор 20 июля 1944 г.”. Годом ранее вышла его монография “Заговор 20 июля 1944 г. Легенда и действительность”. Д.Е. Меламиду принадлежит приоритет в пересмотре искаженного представления об антифашистском Сопротивлении в нацистской Германии, как исключительно коммунистическом по характеру. Монография о заговоре 20 июля 1944 г., изданная в обеих Германиях, способствовала исторической реабилитации в

ГДР участников этого события²⁰. Эта книга принесла Д.Е. Меламиду европейскую известность, укрепила его авторитет крупного ученого-германиста.

Еще в 1954 г. с выходом книги “Гитлеровские генералы готовятся к реваншу” впервые заявил о себе талантливый творческий “дуэт” Д.Е. Мельников и Л.Б. Черная (жена Д.Е. Меламиды, известный литературный переводчик с немецкого языка), плодотворно работавший без малого сорок лет. За это время супруги-соавторы написали несколько книг, две из которых – “Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер” (М., 1984) и “Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии 1933–1945” (М., 1987) – выдержали несколько изданий. Между тем книга “Преступник номер 1” имела трудную издательскую судьбу. Написанная в конце 60-х годов, она увидела свет лишь в 1984 г.

Историческая реабилитация участников антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г., предпринятая Д.Е. Меламидом в упоминавшейся выше книге, снискала ее автору широкую известность в ФРГ, где он обрел множество новых друзей, антифашистов военной поры, как из военно-аристократической среды, так и в кругах германской социал-демократии.

Что касается лидера СДПГ Вилли Брандта, ставшего осенью 1969 г. канцлером ФРГ, то он знал Д.Е. Меламиду еще с середины 50-х годов, когда тот в качестве журналиста-международника часто бывал в ФРГ и в Западном Берлине, обер-бургомистром которого Брандт был в 1957–1966 гг. Они встречались и в последующие годы. Теплые отношения сложились у Меламиды с ближайшим соратником Брандта Эгоном Баром, с крупнейшим немецким писателем Генрихом Бёллем,²¹ с другими представителями политической и интеллектуальной элиты ФРГ.

С середины 60-х годов Д.Е. Меламид настойчиво борется за новый, более объективный подход к современной германской социал-демократии, но не встречает понимания. За ним, как и за д.и.н. В.М. Кулишом, закрепилась сомнительная, в глазах партийных идеологов, репутация “сообщника” А.М. Некрича, разгромленного в 1966 г. неосталинистами за книгу “22 июня 1941 г.”, в которой содержалась критика Сталина за неподготовленность СССР к войне с нацистской Герма-

²⁰ Д.Е. Меламиды связывали узы дружбы с оставшимися в живых участниками заговора, в частности, с бывшим майором вермахта И. фон Вицлебеном, племянником казнённого по приказу Гитлера генерал-фельдмаршала Эрвина фон Вицлебена. В 1975 г. автору этих строк довелось вместе с Д.Е. Меламидом погостить в доме Вицлебена, который находился в глубине потсдамского парка Сан Сузи.

²¹ Советский (и российский) читатель знаком с произведениями Генриха Бёлля по блестящим переводам Л.Б. Черной, жены Д.Е. Меламиды.

¹⁹ См., например: Западная Европа и США. Очерк политических взаимоотношений. М., 1968; Международные отношения в Западной Европе. М., 1974; Федеративная Республика Германии. М., 1974 (второе переработанное и дополненное издание увидело свет в 1983 г.); Западная Европа в современном мире (в двух томах). М., 1979; Западноевропейская интеграция: политические аспекты. М., 1985.

нией. Меламид не всегда встречал понимание даже у руководства ИМЭМО, где, казалось бы, преобладали более адекватные, то есть менее идеологизированные, представления об окружающем мире. По всей видимости, Н.Н. Иноземцев учитывал устойчивые антинемецкие настроения в высшем советском руководстве, и до определенного времени сдерживал попытки своего сотрудника пробить брешь на германском направлении.

Тем не менее, когда ставший осенью 1969 г. федеральным канцлером В. Брандт обратился к советскому руководству с предложением начать переговоры о нормализации отношений между двумя странами, о Меламиде вспомнили, и использовали его связи в Бонне. Время от времени он выезжал туда в служебные командировки, одновременно выполняя те или иные поручения. Речь шла о том, чтобы в неформальной обстановке прояснить настроения и намерения западно-германской стороны в отношении СССР, а также предварительно опробовать предложения, которые могут быть сделаны на официальных переговорах с ФРГ. Д.Е. Меламид участвовал в подготовке визитов в СССР статс-секретаря Э. Бара (30 января – 28 февраля, 3–21 марта, 12–22 мая 1970 г.), в ходе которых ближайший соратник В. Брандта обсуждал с А.А. Громыко детали будущего Московского договора.

В процессе нормализации отношений между СССР и ФРГ на страницах “Нового времени”, “Литературной газеты” и других изданий появлялись статьи Д. Мельникова – своеобразные “пробные шары” советской дипломатии, адресованные Бонну и содержащие те или иные предложения, пока еще не сформулированные официально.

Как убежденный западник, в традиционном русском значении этого понятия, Д.Е. Меламид энергично и последовательно выступал за налаживание взаимопонимания между СССР и Западом, за преодоление сталинского внешнеполитического наследия. В условиях, как всем казалось, необратимого раскола Германии всегда отстаивал идею единой демократической Германии и едва не поплатился за свое упрямство. Он был приверженцем идеи единого германского народа и отвергал сомнительную “теорию” двух германских наций, выдвинутую идеологами СЕПГ и подхваченную пропагандой КПСС, верил в неизбежность воссоединения двух германских государств, видя в этом кратчайший путь к прекращению холодной войны в Европе.

Возглавляя в ИМЭМО сектор международно-политических проблем Европы, Д.Е. Меламид настойчиво продвигал идею о “западноевропейском центре силы”, когда в СССР господствовали представления о западноевропейских странах, как послушных сателлитах “американского им-

периализма”. Он инициировал изучение едва начавшихся процессов политической и военной интеграции в Западной Европе, а впоследствии энергично выступал за официальное признание Советским Союзом Европейского сообщества.

В жизни ему пришлось немало претерпеть еще со времен антисемитской кампании конца 40-х – начала 50-х годов, когда была изгнана с работы его жена, известный переводчик и публицист Л. Черная, и когда он сам едва удержался на своем месте в Совинформбюро²². Досталось ему и в связи с “делом Некрича”, доставалось и позднее – за “неправильные” с идеологической точки зрения рекомендации. А после того, как в 1977 г. эмигрировал его сын, талантливый художник, положение Меламида в ИМЭМО окончательно пошатнулось. Он, крупнейший германист, европеист-международник, стал невыездным.

Н.Н. Иноземцев, ценивший Меламида и считавший себя в определенном смысле его последователем в изучении германской проблемы (в 1953 г. Д.Е. Меламид выступал у Иноземцева оппонентом на защите кандидатской диссертации), в течение пяти лет еще сохранял его на посту заведующего сектором. В 1982 г. он все же перевел Меламида на должность ведущего научного сотрудника, назначив на его место к.и.н. Н.С. Кишилова, отставного полковника ГРУ.

В последние годы жизни Д.Е. Меламид работал в ИМЭМО старшим исследователем-консультантом. Он умер 1 января 1993 г. в возрасте 76 лет, оставив множество учеников и последователей в изучении Германии и проблем современной Европы.

Одновременно с тем, как в ФРГ в середине 60-х годов завершилась эпоха безраздельного господства христианской демократии, во Франции подходила к концу эра де Голля, что не было вовремя осознано большинством политических наблюдателей как на Западе, так и в СССР. Даже майский кризис 1968 г., потрясший основы Пятой республики, не поколебал их уверенности в устойчивости голлистского режима и прочности позиций самого генерала де Голля. “Студенческая революция” в Париже побудила франковедов ИМЭМО пересмотреть два основных стереотипа в оценке режима Пятой республики, сложившиеся после 1958 г., когда де Голль пришел к власти.

Поначалу в советском подходе к Пятой республике доминировала оценка, внушенная Французской компартией, давно объявившей де Голля “ставленником монополий” и “врагом демократии” с диктаторскими замашками, а саму Пятую

²²Его, тогда уже кандидата исторических наук, политического обозревателя Совинформбюро, утвержденного в этой должности решением Секретариата ЦК ВКП(б), в разгар антисемитской кампании в начале 50-х годов намеревались перевести корректором в журнал “Новое время”.

республику – “режимом личной власти”. В Москве разделяли эту позицию до тех пор, пока, начиная с 1963–1964 гг., во внешней политике де Голля не обозначилась тенденция к независимости от США. Визит де Голля в СССР летом 1966 г. и последовавшее за этим решение Франции о выходе из военной организации НАТО, привели советское руководство к смене парадигмы в оценке голлизма и его основателя. Прежний “классово-идеологический” подход к Пятой республике уступил место прагматическим соображениям, связанным с надеждами на использование франко-американских противоречий в интересах СССР. К тому же авторитарный стиль руководства президента де Голля в чем-то даже импонировал советским руководителям, воспитанным в сталинских традициях.

По горячим следам майского кризиса во Франции, в июне 1968 г., в ИМЭМО состоялось рабочее обсуждение его причин, характера и возможных последствий с участием ведущих франковедов – Ю.И. Рубинского, С.С. Салычева, Г.Г. Дилигенского, В.И. Кузнецова, И.А. Колоскова и др. Острые споры разгорелись по вопросам о роли французской интеллигенции и студенчества в “антимонополистической борьбе”, об их взаимоотношениях с рабочим классом, о правильности или ошибочности тактики ФКП в ходе майского кризиса и т.д. По результатам этого обсуждения была подготовлена развернутая записка, направленная в Международный отдел ЦК КПСС, а несколько позднее выпущена соответствующая брошюра с грифом “для служебного пользования”.

Первый краткий анализ общих причин социально-политического кризиса во Франции был дан в статье Ю.И. Рубинского, помещенной в “Международном ежегоднике” за 1969 г.

Из статьи Ю. И. Рубинского:

“Объективными предпосылками этих событий явились тенденции, давно зревшие в недрах французского общества. Участие Франции в “Общем рынке”, использование достижений научно-технической революции, и прежде всего автоматизация производства, форсировали процесс концентрации производства и капитала, что привело к относительному сужению потребностей промышленности в рабочей силе. Одновременно значительное число рабочих рук высвободилось в деревне, где происходит усиленное расслоение крестьянства в связи с переходом земледелия на рельсы крупнокапиталистического машинного хозяйства. Умножение числа универмагов, торговых центров разорило сотни тысяч представителей городских средних слоев – лавочников, ремесленников. Наконец, к концу 60-х годов достигла совершеннолетнего возраста молодежь, родившаяся в первые послевоенные годы, когда прирост

населения во Франции, как и в других западноевропейских странах, был весьма значительным.

Сочетание всех этих факторов вызвало крутую ломку прежней социальной структуры страны, резко обострив проблемы занятости, жилья, образования и т.д. Особенно больно они затронули молодежь. <...>

В условиях режима Пятой республики, стержнем которого служит строго централизованный административно-бюрократический аппарат, недовольство различных слоев трудящихся рано или поздно должно было приобрести ярко выраженный политический характер”²³.

Впоследствии Ю.И. Рубинский даст более развернутый и глубокий анализ “несостоявшейся революции” 1968 г. во Франции²⁴.

В 1969 г. Ю.И. Рубинский подтвердит свою репутацию лучшего знатока проблем современной Франции. Он был единственным в СССР специалистом, который предсказал неизбежный уход де Голля с политической сцены в результате майского кризиса 1968 г. Ни в Международном отделе ЦК КПСС, ни в МИД СССР, ни даже в советском посольстве в Париже не верили, что де Голль проиграет 27 апреля 1969 г. референдум о реформе сената. Победа на референдуме обеспечивала бы ему дальнейшее пребывание на посту главы государства. Прогноз Рубинского подтвердился. Де Голль проиграл и вынужден был досрочно уйти в отставку.

Юрий Ильич Рубинский, выпускник МГИМО (1953 г.), работал в ИМЭМО со времени его создания. В 1977 г. он был назначен советником посольства СССР во Франции, где более 15 лет (с перерывом) возглавлял группу, занимающуюся изучением вопросов французской внутривнутриполитической жизни. Его назначение в Париж настойчиво “пробивал” в ЦК КПСС тогдашний советский посол С.В. Червоненко, знакомый с аналитическими разработками Рубинского и высоко ценивший их автора. Рубинский оказался незаменимым сотрудником и для нескольких преемников Червоненко на посту посла СССР (а затем и России) в Париже. В середине 90-х годов он завершает дипломатическую карьеру и поступает на работу в Институт Европы РАН, возглавив там Центр французских исследований.

В ИМЭМО глубоко и всесторонне занимались изучением по существу всех государств Западной Европы, США и Канады, ведущих стран Латинской Америки, Азии и Африки, вплоть до Австралии и Новой Зеландии. По отдельным странам

²³ Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1969 г. М., 1969. С. 192.

²⁴ См.: Франция (серия: Экономика и политика стран современного капитализма) / Отв. ред. д.и.н. Ю.И. Рубинский. М., 1973. С. 293–305.

в Институте можно было насчитать с десятков, а то и более, квалифицированных специалистов разного профиля, способных в любой момент проанализировать текущую ситуацию в США, Англии, ФРГ, Франции или Италии. Одним словом, страноведение в ИМЭМО с конца 60-х годов находилось на очень высоком уровне, что позволяло успешно решать стоявшие перед Институтом задачи.

Новым направлением исследований в этот период, тесно связанным со страноведением, стало изучение такого феномена, как движение “новых левых”, впервые заявившее о себе в ходе майского (1968 г.) кризиса во Франции и быстро распространившееся на другие ведущие страны Западной Европы, а также США.

Развертывание в ИМЭМО, по инициативе Иноземцева, теоретических, прогностических и страноведческих исследований существенно повысило научный авторитет Института и его директора. В ноябре 1968 г. член-корреспондент АН СССР Н.Н. Иноземцев был избран действительным членом Академии наук по Отделению экономики.

ЗАПИСКИ, ЗАПИСКИ, ЗАПИСКИ...

Важнейшим направлением в работе Института всегда было выполнение заданий директивных инстанций, включая Политбюро, Секретариат ЦК КПСС и Совет министров СССР. С приходом Н.Н. Иноземцева на пост директора ИМЭМО деятельность на этом направлении заметно активизировалась и расширилась за счет включения в сферу научных разработок вопросов, напрямую относящихся к процессу формирования внешней политики СССР, к подготовке тех или иных внешнеполитических предложений и инициатив.

Это было еще более рискованным делом, нежели составление прогнозов, так как на кремлевской “кухне”, где, собственно, и готовились политические “блюда”, не жаловали новичков. К тому же во второй половине 60-х годов в партийно-государственной верхушке отнюдь не проявляла единодушия в подходе к вопросам, касающимся отношений с Западом, в особенности если это затрагивало интересы советского военно-промышленного комплекса. Здесь надо было быть предельно осторожным, уметь ориентироваться, маневрировать между “голубями” и “ястребами”, не подставиться, не погубить собственную карьеру, давая рекомендации, ориентирующие высшее политическое руководство на диалог с Западом, на снижение уровня военного противостояния с ним на глобальном и региональном уровнях. А именно в этом направлении действовал Иноземцев и возглавляемый им Институт.

В качестве примеров такого рода рекомендаций можно привести две аналитические записки, направленные из ИМЭМО в адрес секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева. Они показательны в двух отношениях – как выражение позиции ИМЭМО и его директора, и как свидетельство работы Института на опережение событий, чего настойчиво добивался Н.Н. Иноземцев.

Первая из них – “К вопросу о советско-американских переговорах относительно стратегических ракетно-ядерных систем” – была направлена 8 июня 1969 г. Ее авторы – сам Н.Н. Иноземцев и его заместитель В.И. Стригачев. Прежде чем обратиться к ее содержанию, следует напомнить, что в июне 1968 г. между СССР и США была достигнута договоренность о начале переговоров по комплексному ограничению и сокращению как систем доставки наступательного оружия, так и систем обороны против баллистических ракет. Первый раунд этих переговоров решено было провести в Хельсинки в ноябре – декабре 1969 г. Здесь предстояло обменяться мнениями по общему кругу вопросов, составлявших предмет дальнейшего обсуждения на последующих дипломатических раундах.

Ко времени открытия переговоров к власти в США пришла республиканская администрация Р. Никсона, которого в СССР считали поборником агрессивного курса. Поэтому в советских руководящих кругах возникли сомнения по поводу возможности договориться с новым хозяином Белого дома, инициировавшим разработку очередной программы стратегических наступательных вооружений на 1969–1973 гг., призванной изменить сложившееся относительное равновесие ракетно-ядерных сил между США и СССР в пользу Вашингтона.

Н.И. Иноземцев и В.И. Стригачев, опираясь на сделанные в ИМЭМО разработки, считали, что даже с учетом подобных намерений администрации Никсона, нет никаких оснований отказываться от намеченных переговоров. “Независимо от колебаний в правительственных кругах США по вопросу о пропорциях и темпах разработки и развертывания наступательных и оборонительных стратегических средств и систем, – говорилось в подготовленной ими записке в ЦК КПСС, – господствующим является предположение, что выполнение намеченной программы будет иметь своим следствием количественное увеличение ракетно-ядерных сил, но оно не даст США возможности рассчитывать в обозримом будущем на столь радикальное изменение соотношения военных сил между США и СССР, которое могло бы обеспечить им победу в ракетно-ядерной войне.

Обе страны располагают такими экономическими потенциалами, – говорилось далее в записке, – которые позволяют каждой из них сделать в

области развития стратегических ракетно-ядерных систем все, что может сделать противник. Разрыв по времени и темпам накопления вооружения не может быть столь существенным, чтобы дать решающий перевес одной стороне по отношению к другой. Вполне логично предположить, – подчеркивали Иноземцев и Стригачев, – что если количественное наращивание обеими странами этих сил не ведет к радикальному изменению соотношения их, то и равнозначное сокращение или ограничение развития их может иметь аналогичный результат. Из этого возникают объективные возможности для заключения взаимовыгодного соглашения по указанному вопросу между США и СССР²⁵.

Проанализировав экономические и политические аспекты военной политики США, авторы записки обратили внимание на борьбу двух течений в американских правящих кругах, по-разному понимающих национальную безопасность своей страны. Противники бесконтрольного наращивания стратегических вооружений опасаются дестабилизации международных отношений, чреватой возможностью лобового столкновения между США и СССР. Кроме того, безудержная гонка вооружений, по их мнению, осложнит возможности локализации региональных кризисов, поощрит их бесконтрольную эскалацию, может привести к опасному расширению “клуба” ядерных держав, усилению атомного потенциала КНР, наконец, она будет способствовать растущей неуверенности у европейских членов НАТО в надежности американского ядерного прикрытия Западной Европы.

Руководство ИМЭМО считало принципиально важным вести переговоры именно с Р. Никсоном, имевшим в США устойчивую репутацию “ястреба”. Это значительно ослабило бы там позиции непримиримых противников Советского Союза, отвергающих поиски взаимопонимания между Вашингтоном и Москвой.

По убеждению Иноземцева и Стригачева, на переговоры с СССР администрацию Никсона подталкивают и внутривластные соображения, имея в виду продолжающуюся войну во Вьетнаме, крайне непопулярную в США. Такие переговоры, как отмечалось в записке, безусловно, получат одобрение со стороны широких кругов американской общественности, в особенности, интеллигенции и молодежи.

Подводя итог всестороннему рассмотрению вопроса о предстоящих советско-американских переговорах, Иноземцев и Стригачев констатировали: “Таким образом, правительство США, проявив готовность вести переговоры, рассчитывает получить от них некоторые военные и, особенно,

политические выгоды. Тем не менее переговоры, независимо от намерений и расчетов американского правительства, могут быть использованы в интересах политики Советского Союза.

Прямые контакты между представителями политического и военного руководства обеих стран дают возможность лучше выяснить некоторые взгляды и намерения американской стороны в области гонки стратегических вооружений и обратить больше внимания на те из ее ошибочных представлений, которые при чрезвычайных обстоятельствах могли бы привести ее к крайне опасным для нашей стороны решениям.

Если же правительство США проявит в ходе переговоров готовность пойти на сокращение вооружений вообще или только на ограничение подготовки и развертывания как оборонительного, так и наступательного стратегического ракетно-ядерного оружия, то это будет способствовать смягчению напряженности во всем мире. Более того, эвентуальное соглашение по вопросу о развертывании систем и научно-технической разработке активных средств противоракетной обороны и его осуществление в какой-то мере явилось бы условием, сдерживающим ракетно-ядерное нападение США на СССР. Соблюдение договоренности может в некоторой степени гарантироваться национальными средствами контроля, а также – и это главное – взаимной заинтересованностью избежать опасных последствий – неограниченной гонки вооружений.

Сам факт переговоров может оказать выгодное для Советского Союза воздействие на ход борьбы между группировками в правящих кругах США. Переговоры, даже если они не приведут к конкретным результатам, могут способствовать укреплению позиций относительно умеренных группировок и затруднить рост влияния наиболее агрессивных элементов в руководящих кругах США²⁶.

В записке содержалось открытое предостережение, адресованное высшему советскому руководству: «В случае отказа советской стороны от переговоров, Никсон и его правительство попытаются использовать это, чтобы, сыграв на имеющихся антисоветских настроениях, убедить американское общественное мнение в “необходимости” дальнейшей гонки вооружений и усиления военных приготвлений США в интересах их “безопасности”»²⁷.

Смысл другого предостережения, высказанного Иноземцевым и Стригачевым в более завуалированной форме, сводился к тому, что материально-финансовые возможности США, в случае бесконтрольного продолжения гонки вооружений,

²⁵“Справки, информации, подготовленные по спецзапросам. 1969 г.” // Архив ИМЭМО РАН.

²⁶Там же.

²⁷Там же.

явно превосходят аналогичные возможности СССР, уже по этой причине в большей степени заинтересованного в сокращении затрат на стратегические вооружения. “Финансирование ускоренного развития стратегических средств как обороны, так и наступления, – отмечали авторы записки, – не может составлять чрезмерной трудности для США ввиду большого и постоянно растущего объема их валового национального продукта и снижения в нем расходов на военные цели, несмотря на быстрое их абсолютное увеличение”²⁸.

Подобная нежелательная, с точки зрения интересов СССР, тенденция, по мнению руководства ИМЭМО, неизбежно получит развитие после прекращения военных действий во Вьетнаме. “Следует также иметь в виду, что США получат значительные дополнительные возможности расширения расходов на разработку и накопление оружия массового уничтожения и средств защиты от него в случае окончания войны во Вьетнаме, на которую по бюджету на 1969 финансовый год намечено истратить около 30 млрд. долларов”²⁹. Это был еще один довод в пользу налаживания “стратегического диалога” с США, который должен был привести к некоторому ограничению военных усилий Вашингтона.

Такова была позиция ИМЭМО по одной из важнейших проблем международных отношений к моменту, когда ограничение стратегических вооружений стало предметом обсуждения на переговорах СССР и США³⁰.

Как известно, советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений, стартовавшие в ноябре 1969 г. в Хельсинки, увенчались заключением двух соглашений – ОСВ-1 (1972 г.) и ОСВ-2 (1979 г.). В ИМЭМО внимательно следили за развитием этого “стратегического диалога”, направляя в директивные инстанции, в МИД и в Генеральный штаб МО СССР свои аналитические разработки и предложения. Когда в 1973 г. в Вене начались переговоры 18 европейских государств и США о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Цент-

ральной Европе (так называемые Венские переговоры), ИМЭМО уже имел заранее разработанные позиции по всему кругу обсуждавшихся там вопросов.

Еще в июле 1971 г. Н.Н. Иноземцев направил в ЦК КПСС на имя Б.Н. Пономарева записку на тему: “Сокращение вооруженных сил в Центральной Европе и его возможные последствия”³¹. В ней рассматривался целый ряд вопросов, имевших первостепенное значение для выработки позиции СССР в этой области: в какой мере США и их союзники по НАТО заинтересованы во взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Европе; каков баланс интересов США и Западной Европы в этом вопросе; на каких принципах и условиях можно (и нужно ли?) договариваться с США и НАТО о таком сокращении; каковы варианты и этапы возможного сокращения с точки зрения интересов СССР и его союзников по Организации Варшавского Договора (ОВД); каковы могут быть политические и иные последствия – как положительные, так и отрицательные – достижения соглашения по сокращению вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе?

Как и в случае с ОСВ, позиция ИМЭМО основывалась на необходимости снижения уровня военного противостояния в Центральной Европе, где за послевоенные годы был накоплен колоссальный разрушительный потенциал, намного превосходивший все разумные пределы региональной и национальной безопасности. При этом, разумеется, во главу угла ставились внешнеполитические интересы СССР и его союзников по ОВД.

Подведя баланс возможных последствий сокращения вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, аналитики ИМЭМО пришли к выводу о том, что Советский Союз мог бы извлечь из этого целый ряд преимуществ, хотя просматривались и очевидные отрицательные последствия. В числе последних называлась вероятность более тесного сплочения западноевропейских государств и расширение ЕЭС, что стимулирует процесс политической интеграции, “имеющий антисоветскую направленность”; возможное изменение баланса в треугольнике Лондон – Париж – Бонн и повышение в общем западноевропейском балансе роли двух ядерных держав – Англии и Франции – с тенденцией к объединению их ядерных потенциалов; возрастет значение Западноевропейского союза как наиболее вероятной формы военно-политической интеграции Западной Европы; вероятна активизация “правых и националистических сил” в социалистических странах Восточной Европы в результате сокращения вооруженных сил вообще и вывода части совет-

²⁸ Данное утверждение иллюстрировалось конкретными цифрами. “Если удельный вес военных расходов в валовом национальном продукте США (по исчислению на базе текущих цен) составлял в 1952 г. 14,9%, – говорилось в записке, – то в 1960 г. – 8,9%, а в 1966 г. – 8,1%. В связи с войной во Вьетнаме в последующие годы он поднялся до 9,2%, но продолжает оставаться примерно в полтора раза меньшим, чем в начале 50-х годов” // Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Возможность диалога с администрацией Р.Никсона обосновывалась и в 42-страничной аналитической записке Ю.М. Мельникова, находившегося в октябре 1968 – ноябре 1969 гг. в научной командировке в США. Эта записка – “О современных тенденциях и перспективах внешней политики США” – была направлена 23 июня 1969 г. из ИМЭМО трем адресатам – А.А. Громько, Ю.В. Андропову и Б.Н. Пономареву.

³¹ Справки, информации, подготовленные по спецзапросам в ИМЭМО. 1971 г. // Архив ИМЭМО РАН.

ских войск на территорию СССР. Тем не менее “плюсов” от такого сокращения было бы больше, нежели “минусов”.

Из аналитической записки ИМЭМО:

“Политические последствия возможного сокращения о взаимном сокращении вооруженных сил в Европе могли бы состоять в следующем.

- Позиции США в Западной Европе существенно ослаблялись бы вследствие уменьшения масштабов американского военного присутствия, которое рассматривается как главный рычаг влияния США на Западную Европу. <...>

- Была бы решительно подорвана действенность центрального тезиса американской и НАТОвской военной политики о “стремлении СССР к созданию превосходящей военной силы” и тем ослаблялись бы возможности использования такого тезиса как главного аргумента для продолжения гонки вооружений, для сплочения НАТО, для сдерживания тенденций “Восточной политики” в ряде западноевропейских стран.

- Создавался бы большой простор для развития центробежных тенденций в НАТО, для реализации стремления западноевропейских государств укрепить свою самостоятельность в области внешней и военной политики. Это, в свою очередь, стимулировало бы развитие тенденций к сотрудничеству ФРГ, Франции, Италии и, возможно, других стран Европы с социалистическими странами. Разумеется, и в этих условиях не может быть и речи о военно-политическом “отрыве” Западной Европы от США: их ядерный потенциал по-прежнему составлял бы основу единого военного потенциала и общей военной политики.

- Создавались бы дополнительные условия, благоприятствующие ратификации договоров между СССР и ФРГ, ПНР и ФРГ.

- Значительно активизировались бы стремления западноевропейских стран к созданию системы европейской безопасности и сотрудничества с социалистическими странами...

- Еще больше возрастет морально-политический авторитет Советского Союза в Европе, во всем мире. Будет дан мощный стимул для активизации всех левых и прогрессивных сил в европейских капиталистических странах, для расширения их влияния и укрепления политических позиций, для усиления идеологического влияния на массы коммунистических партий и, не исключено, в конечном итоге для дальнейшего усиления демократических и социалистических тенденций в капиталистических странах Европы вообще.

- Некоторое снижение степени военного влияния США в Европе могло бы ослабить “особые отношения” между Англией и США, понизить значение их союза и вызвать дополнительную ак-

тивизацию “европейской” политики Англии – ее стремление повысить свою роль в западноевропейских делах, что способствовало бы усилению противоречий и борьбы за гегемонию между западными союзниками. На этом фоне не исключено смягчение антисоветского курса Лондона, повышение заинтересованности Англии в сотрудничестве с СССР и в осуществлении политики европейской безопасности”³².

Помимо политических преимуществ от сокращения вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, СССР мог бы, по мнению автора записки, получить и преимущества экономического порядка, такие как: создание более благоприятных условий для развития советской экономики; уменьшение негативного влияния военно-промышленных кругов Запада, которые сдерживают экономическое сотрудничество с Востоком, в частности, путем запрета экспорта в социалистические страны определенных товаров, рассматриваемых как стратегические; создание предпосылок для перевода экономических отношений Восток – Запад на прочную долговременную основу (предоставление кредитов соцстранам, учреждение в Западной Европе смешанных – советско-западноевропейских – обществ по сбыту и обслуживанию советских машин и оборудования, заключение долгосрочных контрактов с советскими организациями, дальнейшее развитие разных форм промышленного и научно-технического сотрудничества).

Перевод части западного военного производства на гражданские рельсы, как считали в ИМЭМО, вероятно, привел бы к обострению проблемы рынков сбыта для западных фирм. Это способствовало бы повышению заинтересованности Запада в стабильном и емком социалистическом рынке, что, в свою очередь, могло подтолкнуть западные страны на принятие мер, способствующих развитию сотрудничества. “В целом, – по мнению аналитиков ИМЭМО, – современная международно-политическая обстановка и ближайшие перспективы ее развития способствуют проведению мер по сбалансированному сокращению вооруженных сил в Европе”³³.

Соображения и рекомендации ИМЭМО, изложенные в июле 1971 г., впоследствии дополнялись и уточнялись, сыграв определенную роль в выработке позиции делегации СССР на Венских переговорах, начавшихся 30 октября 1973 г.

Скрытый замысел советской дипломатии на этих переговорах – добиться одностороннего ослабления американского военного присутствия в Европе, сыграть на американско-западноевропейских противоречиях, стимулируя их обострение, – по-видимому, не составлял секрета ни для США,

³²Там же.

³³Там же.

ни для их союзников в Западной Европе, добивавшихся, со своей стороны, больших уступок от СССР и его сателлитов по ОВД. Поэтому с самого начала Венские переговоры проходили очень трудно, затянувшись на полтора десятилетия. На разных этапах этих переговоров к участию в них в качестве экспертов советской делегации привлекались отдельные специалисты из ИМЭМО, что само по себе свидетельствовало о высоком рейтинге Института в глазах высшего партийно-государственного руководства СССР.

ИМЭМО давал свои предложения и по другим направлениям внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности советского правительства. Так, в ноябре 1967 г. в Министерство внешней торговли СССР была направлена развернутая записка А.С. Кодаченко “Предложения по позиции СССР по мировой продовольственной проблеме”, приуроченная ко II-й Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД).

За период 1967–1970 гг. в директивные и другие правительственные инстанции было направлено более 200 аналитических записок, не считая информационных справок и других материалов³⁴. Значительная их часть была ориентирована на оказание консультативной помощи в ускорении экономического и научно-технического развития СССР. Так, в феврале 1968 г. в Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС “ушла” записка – “Государственная поддержка сельского хозяйства в странах развитого капитализма”. Одновременно в Госкомитет по науке и техники при СМ СССР (ГКНТ) была направлена записка Ю.И. Инькова “Освоение электронной вычислительной техники в сфере управления (опыт США)”.

Нередко записки посылались на имя Генерального секретаря ЦК КПСС и его помощников, а также в секретариат Председателя СМ СССР А.Н. Косыгина.

В начале 1969 г. Л.И. Брежневу была направлена развернутая записка “Современное развитие экономики капиталистических стран и изменения ее структуры”. В августе того же года по заказу Е. Самотейкина, референта Брежнева, в ИМЭМО подготовили записку “О некоторых проблемах развития системы образования в основных капиталистических странах и СССР”, а в сентябре выполнили заказ помощника генсека В.А. Голикова – “Положение крестьянства и фермерства в странах развитого капитализма”. Для А.Н. Косыгина в том же 1969 г. была подготовлена коллек-

тивная записка “Объективные предпосылки экономической интеграции и ее принципиальные различия в условиях капитализма и социализма”, а также записка С.М. Меньшикова “Новейшие изменения в капиталистических концернах”.

Большой интерес в Совете министров СССР, Госплане и ГКНТ вызвал специальный научный доклад “Некоторые особенности повышения эффективности хозяйства капиталистических стран”, направленный из ИМЭМО в апреле 1968 г. В нем были вскрыты причины значительного повышения экономической роли потребления в высоко-развитых странах Запада и показано, что высокий технический базис современного хозяйства, стремительный рост производительности и эффективности орудий и средств труда создали гораздо более тесную и прямую связь производства и потребления, что произошло ослабление известной независимости развития первого подразделения, которое имело место и было важным условием развития экономики на первоначальных этапах индустриализации западных стран.

В этой связи в докладе была рассмотрена тенденция роста в капиталистических странах реальной заработной платы, которая отражает расширившиеся возможности материального стимулирования роста производительности труда. В нем ставился вопрос о необходимости разработки стратегии, ориентированной на создание в стране мощного фонда потребления, как источнике материального стимулирования рабочих, ИТР и служащих с целью повышения производительности и эффективности производства.

В докладе рассматривалось в качестве одного из резервов увеличения фонда потребления развитие сферы услуг, анализировались возможности ускорения научно-технического прогресса посредством быстреего обновления действующей техники, конструирования преимущественно перспективной техники и т.д.

По просьбе Госплана, занимавшегося разработкой проекта положения о хозрасчетном производственном объединении в промышленности СССР, ИМЭМО в августе 1970 г. подготовил развернутую записку на тему: “Вопросы управления производством в главных капиталистических странах”. Помимо Госплана, она была разослана членам, кандидатам в члены Политбюро и секретарям ЦК КПСС: А.П. Кириленко, Ф.Д. Кулакову, К.Т. Мазурову, В.В. Гришину, Д.С. Полянскому, В.В. Щербицкому, Ю.В. Андропову, П.Н. Демичеву, Д.Ф. Устинову, И.В. Капитонову, К.Ф. Капустеву, Б.Н. Пономареву и М.С. Соломенцеву.

В записке давалась довольно подробная характеристика деловой активности крупных капиталистических производственных объединений, раскрывались основные факторы их жизнеспособности и причины определенного влияния этих

³⁴ Среди авторов этих записок: А.В. Аникин, О.Н. Быков, Е.А. Громов, В.И. Гантман, В.М. Кудров, М.В. Максимова, В.А. Мартынов, Д.Е. Меламид (Мельников), Ю.М. Мельников, С.М. Меньшиков, А.Г. Милейковский, Г.И. Морозов, С.М. Никитин, Д.В. Петров, В.В. Размеров, Ю.И. Рубинский, С.С. Салычев, В.И. Стригачев, Д.Г. Томашевский, В.Л. Тягуненко, М.П. Фрейзер (Д. Маклейн), А.И. Шапиро, В.Г. Шкунаев, П.И. Хвойник, Р.М. Энтов и др.

объединений на ход развития всего хозяйства ведущих западных стран. Она носила сугубо деловой характер, и с учетом уровня ее читателей в ней “не ставилась цель дать систематическую критику капиталистических методов эксплуатации трудящихся, разоблачение империализма или разработка доказательств превосходства наших (социалистических) форм организации и управления хозяйством по сравнению с капиталистическим”³⁵.

Записка получила положительную оценку в “Инстанции”, то есть в Политбюро, а содержащиеся в ней идеи были использованы в отчетном докладе Л.И. Брежнева на XXIV съезде КПСС (30 марта – 9 апреля 1971 г.), когда Генеральный секретарь говорил о необходимости совершенствования организационной структуры управления. “...Необходимостью становится усиление концентрации производства, – подчеркивал Брежнев в своем докладе. – Накопленный опыт показывает, что только крупным объединениям под силу сосредоточить достаточное число квалифицированных специалистов, обеспечивать быстрый технический прогресс, лучше и полнее использовать все ресурсы. Курс на создание объединений и комбинатов надо вести решительней – в перспективе они должны стать основными хозяйственными звеньями общественного производства”³⁶.

Научный коллектив ИМЭМО принимал активное участие в подготовке материалов к XXIV съезду КПСС, в частности, в разработке серии мирных инициатив, с которыми на съезде выступил Л.И. Брежнев. Эти предложения, широко разрекламированные советской пропагандой в качестве “Программы мира”, предусматривали: ликвидацию военных очагов в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке; необходимость окончательного признания территориального статус-кво в Европе, сложившегося в результате Второй мировой войны, необходимость поворота к разрядке на континенте путем созыва общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству; одновременную ликвидацию противостоящих военных организаций – НАТО и ОВД; запрет ядерного, химического и бактериологического оружия; созыв всемирной конференции для рассмотрения вопросов разоружения во всем их объеме и во всех районах, и прежде всего в Центральной Европе; содействие полному претворению в жизнь решения ООН о ликвидации оставшихся колониальных режимов; готовность СССР к обсуждению общих для всех государств не политических проблем, таких как сохранение природной среды, освоение энергетических и других природных ресурсов, развитие транспорта и свя-

зи, предупреждение и ликвидация наиболее опасных и распространенных заболеваний, исследование и освоение космоса и Мирового океана³⁷.

Из всех предложений, включенных в советскую “Программу мира”, весьма неожиданными для Запада оказались те, которые относились к разряду общечеловеческих, глобальных проблем. Сам факт признания Советским Союзом существования общих для человечества проблем (окружающая среда, энергетика, космос, Мировой океан и т.д.), помимо необходимости сохранения мира, был принципиально важным шагом на пути эволюции коммунистического режима от стереотипов классовой борьбы и холодной войны к пониманию общности интересов государств и народов двух противоборствующих систем. Начавшееся в 1971 г. движение в этом направлении впоследствии с неизбежностью поставит советское руководство перед необходимостью обсуждать с западными партнерами весь комплекс вопросов, связанных с правами человека и с общечеловеческими ценностями.

Значительную роль в этой эволюции сыграли “яйцеголовые” советники Л.И. Брежнева – Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин, Н.Н. Иноземцев и др. В ИМЭМО уже велись исследования в области глобальных проблем современности, в частности, по вопросам защиты окружающей среды и Мирового океана. На них-то и опирался Иноземцев в своих рекомендациях Брежневу.

Сам Иноземцев еще с 1967 г., когда он вместе с помощниками генсека – Г.Э. Цукановым и А.М. Александровым, а также с Г.А. Арбатовым, А.Н. Яковлевым и В.В. Загладиным, готовил Брежневу доклад к 40-й годовщине Октябрьской революции, постоянно привлекался к написанию “высочайших” выступлений. Он часто и подолгу работал над текстами этих выступлений в Вольнском, Горках-Х, Завидово и других загородных резиденциях Брежнева в приятной компании своих друзей-единомышленников – Г.А. Арбатова, О.Т. Богомолова, А.Е. Бовина... В кругах освещенной московской интеллигенции создававшиеся там тексты для Брежнева называли “арбатовской прозой”, по имени одного из их составителей. В это время Иноземцев и познакомился с Брежневым, который проникся к нему явной симпатией, подчеркнуто выделяя из числа своих “спичрайтеров”. Брежнев всегда обращался к Иноземцеву по имени отчеству, в то время как других называл только по именам.

Свидетельством возросшего влияния Н.Н. Иноземцева стало награждение 7 февраля 1971 г. возглавляемого им Института мировой экономики и международных отношений орденом Трудового Красного Знамени и избрание самого Иноземцева

³⁵ “Справки, информации, подготовленные по спецзапросам в ИМЭМО. 1971 г.” // Архив ИМЭМО РАН.

³⁶ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 18.

³⁷ См.: Там же. С. 29–30.

кандидатом в члены ЦК на XXIV съезде КПСС. В апреле того же года академик Н.Н. Иноземцев был награжден орденом Ленина “за заслуги в развитии экономической науки и в связи с 50-летием со дня рождения”.

Эти события ознаменовали окончание первой “пяtilетки Иноземцева” в истории ИМЭМО. Опираясь на опыт и достижения предшествующего десятилетия, Н.Н. Иноземцев приумножил их, и в короткий срок сумел превратить Институт в ведущий “мозговой центр” в СССР, в котором осуществлялась разработка новых подходов к международно-политическим и экономическим проблемам современного мира.

Институт значительно окреп. В январе 1971 г. в нем работали 739 человек, в том числе: 1 академик, 3 члена-корреспондента АН СССР, 53 док-

тора наук и 242 кандидата наук. В течение 1966–1970 гг. в Институте были защищены 52 докторских и 116 кандидатских диссертаций. В составе ИМЭМО – 7 научных отделов и 42 сектора. За 1966–1970 гг. научными сотрудниками Института подготовлены и изданы 126 монографий и других трудов. В директивные инстанции, плановые органы, различные министерства и ведомства за этот же период были направлены более 500 справок, аналитических записок и других материалов³⁸.

Продолжение следует

³⁸ Справка об Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, направленная в Отдел науки МГК КПСС 26.01.1971 г. // Архив ИМЭМО РАН.